

Для цитирования: Сычев, А. А.
Конфессиональные модели церковной власти
(философско-канонический анализ) /
А. А. Сычев // Социум и власть. —
2023. — № 1 (95). — С. 61—73. —
DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-61-73. —
EDN BTKRKN.

УДК 348.031

EDN BTKRKN

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-61-73

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ (ФИЛОСОФСКО- КАНОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Сычев Андрей Анатольевич,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор.
Саранск, Россия.
ORCID: 0000-0003-3757-4457
E-mail: sychevaa@mail.ru

Аннотация

Введение. Суждения о церковной власти трансформировались в зависимости от изменения положения Церкви в обществе и ее отношений с государством. В процессе этого переосмысления сложились особые традиции ее понимания, где отобразилась специфика существования христианских общин в разных культурно-правовых условиях.

Цель. Автор ставит перед собой задачу очертить традиции понимания церковной власти

в трех христианских конфессиях и предложить основания для их сравнения в философско-каноническом аспекте.

Методы. Использован сравнительный метод на основе анализа философской литературы и канонико-правовых источников.

Научная новизна исследования. В статье впервые систематизируются конфессиональные различия в трактовке формы, содержания и уровней реализации церковной власти.

Результаты. Продемонстрировано, что решающим фактором, определяющим различия конфессиональных традиций в понимании церковной власти, является характер проведения границы между священной и правительственной властью. Католицизм, считая правительственную власть богоустановленной, включает ее в священную наряду с учительской и сакраментальной. Протестантизм, напротив, радикально противопоставляет ее священной, признавая ее прерогативой государства. Православие, как правило, не признает правительственную власть священной, но и не отделяет от церковной.

Выводы. Анализ положений, высказываемых представителями разных христианских конфессий по поводу церковной власти, позволяет заключить, что православная традиция тяготеет к защите позиции, равноудаленной от полярных мнений.

Ключевые слова:
церковная власть,
христианство,
конфессиональные традиции,
каноническое право,
философия религии

Введение

Церковная власть является многоплановой системой отношений, полномочий, прав, обязанностей, особенности которых — предмет непрекращающихся споров. Хотя общие представления об источниках и целях церковной власти в христианстве сохраняют относительную устойчивость, в ходе истории сложилось множество различных, часто несовместимых мнений о ее реализации. Их сопоставление позволяет лучше понять специфику церковной власти, выявить закономерности и тенденции ее развития.

Проблемы церковной власти, ее структуры и отношения к государству активно обсуждались еще в первые века развития Церкви; основные результаты этих обсуждений были зафиксированы в церковных канонах. В систематическом виде эти проблемы были поставлены Фомой Аквинским и далее разработаны Эгидием Римским, Ф. де Витория, Ф. Вальтером и другими теоретиками, заложившими философские основания трактовки власти в католической мысли [3; 14; 19; 20]. На протестантскую традицию понимания церковной власти оказали влияние классические работы М. Лютера, Ф. Меланхтона, Ж. Кальвина, исторические исследования Р. Зомы, Г. фон Кампенхаузена и др. [6; 7; 11; 12; 18]. В отечественной литературе традиции изучения церковной власти были заложены правоведами Н. С. Суворовым и Н. А. Заозёрским [5; 13].

Проблемы церковной власти вновь оказались в фокусе внимания исследователей в XXI веке в связи с разногласиями по поводу соотношения первенства и соборности в православно-католическом и внутривославно-католическом и внутривославно-католическом диалоге, что отражено прежде всего в Равенском документе¹ и в реакции на него Московского Патриархата².

Отдельные аспекты этой проблемы освещаются с различных дисциплинарных позиций в ряде работ современных авторов [2; 4; 8; 16; 17]. Однако системное и целостное сравнение конфессиональных традиций понимания церковной власти остается делом будущего.

¹ Эклесиологические и канонические последствия сакраментальной природы Церкви. Документ Смешанной международной комиссии по богословскому диалогу между Римско-Католической Церковью и Православной Церковью. Равенна (2007). URL: <https://churchby.info/bel/626> (дата обращения: 17.01.2023).

² Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481089.html> (дата обращения: 17.01.2023).

Основой настоящего исследования является сравнительный метод, опирающийся на анализ философской литературы и церковно-правовых источников. Канонический ракурс рассмотрения проблемы представляется наиболее адекватным для решения поставленных задач, поскольку власть в Церкви как «способность или свобода действия, опирающаяся на силу закона, или какого-либо правомерного полномочия» [5, с. 1] по содержанию изначально совпала с каноническими правом или, по меньшей мере, базировалась на нем.

Церковная власть — сложная система отношений, которая реализуется в различных видах, формах и на множестве уровней. По своему содержанию она может подразделяться на священную (*spiritualis*) и правительственную (*jurisdictionalis*). Основание такого разделения — способ приобретения властных полномочий. Фома Аквинский полагал, что «духовные полномочия двояки, священные и правовые. Священные полномочия сообщаются посредством некоторого освящения... С другой стороны, правовые полномочия сообщаются посредством простого человеческого определения» [14, с. 494]. Иными словами, священная власть усваивается через хиротонию и предполагает неизменную священную иерархию со степенями — диакона, пресвитера, епископа, у каждой из которых свои полномочия и обязанности. Правовая или правительственная власть приобретается через уполномочивание. Властные полномочия носителей разных степеней правительственной иерархии дополняют священную власть. Так, с позиции священноначалия все епископы равны, но в зависимости от занимаемого положения (митрополит, патриарх и т. д.) они обладают разными административными полномочиями. Правительственная власть по выполняемым функциям соответствует государственной. Но по целям, способу вменения норм, характеру санкций она отличается (а иногда прямо противопоставляется) власти светской.

Иная классификация предложена Ф. Вальтером. Церковь, полагает он, унаследовала от своего основателя учительскую, священническую и пастырскую власть (*potestas magisterii, ministerii, regiminis*) [20]. Первая нужна для формулирования догматов и распространения учения. Вторая — для совершения таинств. Третья — для управления Церковью, соблюдения порядка в общине (здесь пастырская власть функционально совпадает с правительственной).

Две этих классификации не отрицают друг друга, но и не в полной мере сочетаются.

При этом основные разногласия наблюдаются по поводу пастырской власти. Передаются ли управленческие полномочия только путем человеческого определения, или все же они (или некоторые из них) имеют священное происхождение? Правомерно ли сводить пастырскую власть к административным функциям? Если пастырство есть управление, то не выходит ли пастырская власть за рамки церковной? Основные конфессии предлагают разные ответы на эти вопросы.

Власть можно дифференцировать и с *формальной* стороны. По меньшей мере, со времен Аристотелевой «Политики» базовым критерием для выделения форм правления является количественная характеристика властного субъекта. Власть может быть единоличной, распределяться среди немногих или принадлежать всему народу. В истории можно найти примеры различных форм правления или их сочетаний. Выбор конкретной формы зависит от традиции и варьируется от абсолютного монархического первенства до всеобщего демократического плюрализма. Кроме того, для характеристики форм правления значимо замечание Аристотеля о том, что, хотя в теории субъект должен реализовывать свои полномочия ради установления справедливости, на практике он способен узурпировать власть для продвижения частных интересов. Поэтому идеальные представления об организации власти следует отличать от реальных (временами весьма неприглядных) форм ее осуществления. Искажения присутствуют и при реализации церковной власти, и ряд норм канонического права направлен на то, чтобы пресечь их (например, ограничить единоличную власть соборными решениями, отделить личное имущество от церковного, осудить симонию и т. д.).

Наконец, выделяются различные *уровни* реализации власти в Церкви: от местной общины до всего сообщества верующих. На каждом из них властные права и способности, так же как и ответственность их носителей, преломляются особым образом. Многоуровневость власти позволяет комбинировать различные формы власти внутри общей системы церковного устройства; так, на местном уровне устанавливается первенство епархиального епископа, на поместном — патриарха, на вселенском — собора поместных Церквей (в православной традиции) или папы (в католической).

В анализе содержания церковной власти, форм, в которые она отливается, уровней ее реализации проявляется специфика

воззрения на власть, присущая основным христианским конфессиям.

Виды церковной власти

Содержательное разделение церковной власти на священную и правительственную воспроизводит двойственность представлений о Церкви. С одной стороны — это мистическое «тело Христово», а с другой — зримый институт с органично присущими ему управленческими функциями. Однозначного ответа на вопрос о соотношении двух этих представлений нет, и различные конфессии предлагают собственные трактовки проблемы.

Католическая традиция переосмысливает классификацию Аквината, согласно которой онтологический приоритет отдается священной власти, поскольку она богоустановлена (восходит через цепь рукоположений к апостолам и далее к Христу), а правительственная власть покоится всего лишь на определениях людей.

Для того чтобы придать правительственной иерархии достоинства иерархии священной (и тем самым утвердить примат папы), первой также необходимо было приписать богоустановленный статус. По этой причине в католицизме классификация Фомы переосмысливается в контексте трех видов священной власти Вальтера. При этом управленческая власть отождествляется с пастырской, а значит признается такой же богоустановленной, как и учительская или священническая.

129 канон действующего кодекса гласит: «Власть управления (*potestas regiminis*), существующую в Церкви по Божественному установлению и называемую также властью юрисдикции (*potestas jurisdictionis*), согласно предписаниям права способны осуществлять те, кто удостоен священного сана»¹. В этой трактовке папа как епископ Рима превосходит других епископов по властным полномочиям, является пастырем пастырей. Священный характер его власти объясняется особым положением преемника князя апостолов — призванного «пасти овец» Петра.

Итогом процесса оформления примата папы стала догматическая конституция 1870 г. *Pastor Aeternus* (Вечный Пастырь), где Церковь объявляется стадом с единственным пастырем: «власть юрисдикции папы римского, являясь епископской, непосредственна. Пастыри всех чинов и всех обрядов и верные, каждый в отдельности

¹ Кодекс канонического права. М., 2007. С. 86.

и все вместе должны находиться в иерархическом подчинении и истинном послушании в вопросах, касающихся не только веры и нравственности, но и порядка и управления Церковью»¹.

Более того, трактуемая таким образом пастырская власть папы оказывается выше не только власти других епископов, но и любой другой власти: «В отношении движения к духовной цели Папа имеет полнейшую мирскую власть над всеми правителями, и королями, и императорами» [3, с. 177]. Между Церковью и государством нет разделения функций, поскольку последнее в силу своей ограниченности не может заменить Церковь: в его распоряжении — лишь светская власть. Церковь же, обладая «двумя мечами», может обойтись и без органов государственного управления. В таком ракурсе деятельность государства имеет смысл лишь для поддержания порядка в условиях испорченного греховными наклонностями общества; благотворной она может быть только под пастырским надзором Церкви.

Содержание пастырской власти конкретизируется в 135 каноне: она «делится на законодательную, исполнительную и судебную»². Таким образом, по своим функциям она аналогична государственной власти, хотя по методам не вполне совпадает с ней. Она не предполагает мер прямого физического принуждения и основывается на заботе о пасомых, служении им, снисхождении к заблудшим и т. д. Пастырская власть осуществляет руководство не только телами, но и душами, т. е. в массовом и индивидуальном порядке регулирует все значимые проявления жизни — от постановки глобальных целей до každодневных практик. Эта власть предполагает, с одной стороны, заботу пастыря о стаде, служение, доходящее до самопожертвования, отчет за свои действия, а с другой стороны — полное и беспрекословное послушание пасомых. В ней веками оттачивались способность одних управлять и готовность других быть управляемым [15].

Пастырская власть, получившая в католической традиции развитие как власть управленческая, по мнению М. Фуко, стала основой для формирования позднейших моделей эффективного менеджмента и администрирования [15, с. 228]. В этом контексте изучение пастырской власти и ее трансформации в католицизме становится ключом

для понимания особенностей современной политической, экономической, академической власти.

У протестантских деноминаций нет консолидированной позиции по поводу церковной власти. Как правило, протестанты склонны различать священную власть и правительственную, апеллируя прежде всего к словам: «Вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так» (Мк. 10: 42-43). Законодательная, судебная и исполнительная власть как несоответствующие духу христианской любви изымаются из ведения Церкви и делегируются государству с его иерархией и аппаратом насилия: «власть Церкви и власть светскую не надо смешивать и путать между собой. Власть Церкви имеет собственное предназначение — учить Евангелию и отправлять Таинства»³. Она сугубо духовна, основана на совести, а не на страхе, на любви, а не на праве. Отсюда — характерный для протестантской традиции скепсис по отношению к каноническому праву или же полное его отрицание: «Сущность права противоположна идеальной сущности Церкви. Насколько правовой порядок находится в согласии с сущностью государства, настолько же он противоречит глубочайшей сущности Церкви» [6, с. 19].

Священной властью обладает не «особая каста священнослужителей», а все члены общины, которые совокупно представляют собой «всеобщее священство». С этой позиции «пастырем, священником, пастухом является каждый» [15, с. 277]. Обязанности священнослужителя, как правило, исполняют служащие (пасторы, министры, старейшины), уполномоченные на эту роль путем «простого человеческого определения», т. е. коллегиального решения общины. Они же занимаются повседневными вопросами церковного управления, для оперативного решения которых нет необходимости прибегать к правовой регуляции.

Таким образом, церковная власть ограничивается учительской и священнической, то есть исключительно духовной властью. Административная власть служащих лишена ореола священности и ее реализация мало чем отличается от исполнения любых других профессиональных обязанностей (например, врача или преподавателя). Иерархическая вертикаль подчинения, законы и суд для большинства

¹ Pastor Aeternus // Христианское вероучение. Доктринальные тексты учительства Церкви III—XX вв. СПб., 2002. С. 261.

² Кодекс канонического права. М., 2007. С. 87.

³ Аугсбургское вероисповедание // Книга Согласия. Вероисповедание и учение Лютеранской Церкви. С. 60.

протестантов ассоциируются исключительно с государством.

В целом, *православие* следует за традицией разделения власти на священную и правительственную и согласно с тем, что церковная власть проявляется в учительстве, священнодействии и пастырстве. Однако многие исследователи не согласны со сведением пастырства к управлению.

Критикуя ценностные ориентиры католицизма, митрополит Антоний (Храповицкий) заключает: «Кажется, все важнейшие из них определяются теми началами, которые господствуют над светскою, мирскою безрелигиозною жизнью: таковы прежде всего политические, т. е. административные и экономические вопросы» [1, с. 264]. Если для католицизма пастырство — это прежде всего власть юрисдикции, то для православия — обязанность душевного врачевания. Соответственно, для католического пастырства нормы канонического права сравнимы по значимости с нормами закона, а для православного — скорее, с принципами этического кодекса.

Эта разница в подходах обусловлена различиями в интерпретации нормативности канонического права. Католическая традиция после Грациана пошла по пути кодификации, согласования и обновления правовых норм Церкви, превратив каноническое право в аналог светского. Старые нормы сменяются новыми, и пастырю в большинстве случаев нужно просто приложить готовую норму закона к ситуации. С этой позиции (и учитывая характер католической сотериологии) нормоприменение отличается высокой степенью юрицизма.

В православии древние церковные каноны сохранили свою нормативность, хотя к современной ситуации многие из них уже нельзя приложить. Поэтому епископ должен руководствоваться не столько буквой закона (принцип акривии), сколько духом канона и милосердием, направленным на спасение грешника (принцип икономии). На право епископа смягчать наказания указывал еще I Никейский собор (1 Всел. 12). Более четкий ориентир обозначен в завершающем каноне Трулльского собора, где пастырю предписывается принимать во внимание не столько форму закона, сколько качество греха и расположение согрешившего: «Ибо у Бога и приявшего пастырское водительство, все попечение о том, дабы овцу заблудшую возвратить, и уязвленную змеем уврачевать» (Трулл. 102). Задача права в этом аспекте — не наказать, а излечить. Хороший врач не применяет ко всем стандартную схему лече-

ния, а прописывает каждому болящему наиболее подходящие именно ему лекарства.

Н.А. Заозерский пишет об этом: «мы имеем полное основание пастырскую власть совершенно отличать от правительственной. ...Священник — пастырь православной церкви является на исповеди и в наложении епитимии врачом, другом кающегося, а не судиею» [5, с. 49—50].

Пастырская власть в православном понимании вполне вписывается в область священной власти. Что касается власти правительственной, то она (как и в протестантизме) оказывается за пределами этой области. Такая позиция соответствует положениям канонов: «да не вкрадывается, под видом священнодействия, надменность власти мирския: и да не утратим по малу, неприметно, тоя свободы, которую даровал нам кровью Своею Господь наш» (3 Всел. 8).

Однако (уже в отличие от протестантизма) правительственная власть все же не исключается из разряда церковной. Просто ее статус оказывается ниже в силу того, что дается она не непосредственно Богом, а Церковью как социальным институтом. Соответственно, поскольку все епископы обладают равной священной властью, выше епископа может стоять только собор епископов, но не другой епископ. Власть любого обладателя правительственной степени (от митрополита до патриарха) носит церковный, но не священный характер — она является вторичной по отношению к соборной власти.

В итоге церковная власть подразделяется на богоустановленную священную (учительскую, священническую, пастырскую) и на установленную Церковью правительственную (законодательную, исполнительную, судебную). Такой подход может рассматриваться как своеобразная «средняя» позиция, в равной мере удаленная и от католического учения (где правительственная власть инкорпорируется в священную) и от мнения протестантов (где та исключена и из священной, и из церковной власти).

Конфессиональные подходы к церковной власти предполагают разные модели взаимодействия Церкви и государства. В католической традиции любые попытки подчинить Церковь государству обычно вызвали противодействие. В целом этот подход всегда исторически тяготел к папозецаризму.

В протестантских деноминациях, напротив, все кесарево отдается кесарю и Церковь как община верных подчиняется государственной власти, по крайней мере до той поры, пока государство не начинает грубо

вмешиваться в дела духовные, ограничивая свободу совести.

Православие же тяготеет к симфонии властей, при котором духовная и светская власть пребывают в гармонии и синергии, будучи «нераздельны и неслиянны». Такая двусторонняя модель отношений требует доброй воли не только со стороны Церкви, но и государства. Поскольку такая взаимность не всегда возможна, реальность обычно мало соответствовала теории. История изобилует примерами цезаропапизма (подчинения Церкви государству в Византии или России синодального периода). Тем не менее нельзя не признать, что такое подчинение воспринималось Церковью как вынужденная мера, а к господству над государством она почти никогда всерьез не стремилась.

Анализ конфессиональных традиций демонстрирует, что различия в понимании церковной власти зависят прежде всего от представлений о миссии пастыря, которые сложились в разных культурных условиях. С этой позиции исследование пастырской власти можно рассматривать как ключевую предпосылку понимания многих дискуссионных проблем, связанных с церковной властью.

Формы церковной власти

Исходным для всех христианских конфессий признается положение, что у Церкви один глава — Иисус (Кол. 1, 18). Однако как социальный институт она требует видимого управления, а значит и оформления властных полномочий и обязанностей.

С позиции *католицизма*, поскольку Церковь земная есть образ Церкви небесной, у нее также должен быть один глава. Кроме того, раз единоначалие присутствует на епархиальном и поместном уровнях церковной правительственной иерархии, резонно предполагать, что оно должно быть реализовано и на вселенском. Наконец, без строгого единоначалия сложно прийти к общему мнению по поводу вопросов веры или дисциплинарных правил: как показывает история, без единого руководства сложно (если не невозможно) организовать собор всех поместных церквей, где такие вопросы могут разбираться. В католической традиции единоначалие в Церкви обеспечивает римский епископ.

Первенство римской кафедры (а значит и претензии ее главы на главенство) имело определенные канонические обоснования: «Ибо престолу ветхого Рима отцы прилично

дали преимущества: поелику то был царствующий град» (4 Всел. 28). Однако оппоненты, не отрицая первенство Рима в эпоху Вселенских Соборов, считают его номинальным первенством чести, а не юрисдикции.

В правилах Сардийского собора указывается, что низложенный епископ имеет право подать апелляцию папе, а тот может организовать новый суд и послать на него своих легатов; при этом на время разбирательства кафедру подсудимого запрещалось занимать (Сард. 3, 4, 5) Комментаторы, впрочем, считают, что, если к папе и обращались из других областей, то не в силу признания за ним особой судебной власти, а в силу высокого авторитета кафедры «царствующего града». Кроме того, поскольку Сардикийский собор был фактически собором западной Церкви, то, согласно толкованию И. Зонары, эти положения не могут быть применимы к тем областям, которые находятся вне прямой юрисдикции папы¹.

В число общецерковных включены и правила другого западного поместного собора — Карфагенского, который был созван в том числе по причине апелляции осужденного пресвитера к папе. Пересмотрев решения прошлых соборов, епископы не обнаружили оснований для этого. В итоге было постановлено, что, если клирики «к высшему суду восхотят перенести дело, да не переносят в суды по ту сторону моря (в Италию и в Рим), но — к первенствующим епископам своих областей» (Карф. 37). Ф. Вальсамон по этому поводу отмечает: «Заметить и из этого, что напрасно величаются члены римской церкви, и говорят, что у них по праву обжалования должны решаться дела всех церквей. Ибо если не дозволяется рассматривать жалоб африканских церквей, то тем более они не должны иметь такого права над другими странами»². 139 правило того же собора запрещает и апелляцию к папе при неблагоприятном для клирика решении суда. Собор в послании к папе объясняет это тем, что, во-первых, «ни для одной области не оскудевает благодать Святого Духа» и, во-вторых, «разве есть кто-либо, который бы поверил, что Бог наш может одному только некоему вдохнуть правоту суда, а бесчисленным иереям, сошедшимся на Собор, откажет в оном?»³.

Католическая Церковь, впрочем, последовательно выступала против ограничения власти папы со стороны собора епископов

¹ Правила святых поместных соборов с толкованиями. М., 2000. С. 301.

² Там же. С. 469.

³ Там же. С. 776—777.

(эта соборная позиция именовалась ересью консилиаризма). Своеобразным итогом этой борьбы стало провозглашение на I Ватиканском соборе следующего канона: «Если кто-либо говорит, что Папа Римский имеет лишь обязанность контроля или указания, а не полную и верховную юрисдикцию над всей Церковью не только в том, что касается веры и нравственности, но и в том, что касается порядка и управления Церковью, распространённой по всему миру, или что он обладает лишь одной важной частью этой власти, а не всей её полнотой, или что его власть не является ни обычной, ни непосредственной над всеми Церквями и каждой в отдельности, как над всеми и каждым в отдельности пастырями и верными, да будет отлучен от сообщества верных»¹.

Это положение прописано в 331 каноне действующего кодекса. Согласно 336 канону Коллегии епископов также является субъектом верховной и полной власти, но только во главе с папой, и никогда — сама по себе. Согласно 341 канону постановления Вселенского Собора имеют обязательную силу только в случае их одобрения и утверждения папой².

Иная трактовка проблемы представлена в *протестантизме*, который возник как отрицание претензий папы на власть над всем христианским миром и единоличного принципа правления в Церкви. Ф. Меланхтон писал, что «папа не только, вопреки заповеди Христовой, узурпировал власть, но и как тиран возвысил себя над всеми царями. И в этом вопросе следует порицать не столько само деяние, сколько то, что он прикрывается властью Христа, что он перемещает Ключи в область мирского правления, что он связывает спасение с этими безбожными и отвратительными суждениями, утверждая, что для спасения необходимо, дабы люди веровали, будто владычество принадлежит ему по божественному праву» [12, с. 409].

Протестантизм не приемлет посредников между человеком и истинным главой Церкви, опираясь на слова: «Но вы — род избранный, царственное священство» (1 Петр. 2:9). Не особое духовное сословие, а каждый верующий обладает священной властью, данной непосредственно Богом. М. Лютер, обосновывая принцип «всеобщего священства» утверждал: «миряне, священники, князья, епископы, или, как они

выражаются, духовные и светские лица — в действительности не имеют никаких других существенных различий, кроме службы или занятия. По своему же достоинству они не различаются, потому что все принадлежат к духовному сословию; все они истинные священники, епископы и папы» [11, с. 59]. Соответственно, протестанты, как правило, не принимают священной иерархии. Полномочия епископа, пресвитера, диакона понимаются как функции, которые может выполнять и одно лицо, и не в силу посвящения, а в силу уполномочивания со стороны общины.

Протестантизм не предполагает единоначалия еще и в силу того, что он представляет собой совокупность общин, чьи воззрения и практики часто кардинально отличаются друг от друга. Организационно протестантизм тяготеет к конгрегационизму, то есть признанию автономии общин. Попытки их объединения имеют характер не институтов, но добровольных ассоциаций, где решения принимаются верующими и избранными ими временными лидерами. Такие ассоциации создаются для облегчения не столько управления, сколько общения. В целом плюралистическое оформление церковной власти в протестантской традиции находится к единовластию примерно в таком же отношении, как республиканская форма правления в государстве — к монархической.

Православие в единоличном управлении Вселенской Церковью усматривает опасность подчинения личности авторитету, а в отрицании священной иерархии — риск разрушения единства. В то же время оно не отрицает ни роли личности, ни значения совместно принятых решений: «Развитие соборного начала в Церкви возможно лишь с одновременным укреплением и совершенствованием иерархической власти»³.

Бремя служения в православной традиции ложится на епископат. Священная власть была передана Христом совокупно всем апостолам, а от тех — епископам. Нужды Церкви потребовали оформления и правительственных полномочий. Таким образом, в православной традиции власть не распределена между всеми верующими и не делегирована одному преемнику князя апостолов, а концентрируется в руках епископов, которые сакраментально равны друг

¹ Pastor Aeternus // Христианское вероучение. Догматические тексты учительства Церкви III—XX вв. СПб., 2002. С. 261.

² Кодекс канонического права. М., 2007. С. 156, 158, 160.

³ Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (2 февраля 2011 года). URL: http://p2.patriarchia.ru/2011/02/02/1233346051/Doklad_AS.doc (дата обращения: 17.01.2023).

другу, а в правительственной иерархии наделены Церковью различными полномочиями.

Наделение епископов властью в качестве необходимой предпосылки предполагает высокий нравственный авторитет: «епископ должен быть непорочен» (Тим. 3:1). Этот подход примерно соответствует аристократической или меритократической формам правления в их буквальной этимологии (власть лучших, власть достойных) с той, конечно, оговоркой, что, в отличие от государственной власти, правление проявляется не как господство, а как служение.

Каноны, утвержденные до Великого раскола, сложно применить к современности. Поэтому бремя их интерпретации, применения к конкретным случаям и ложится от епископов, которые фактически занимаются нормотворчеством *ad hoc*, руководствуясь не всегда буквой, но всегда духом канонов (принцип аналогии права). Этот выбор сопряжен с особой личной ответственностью и потому невозможен без обсуждения и коллегиального разрешения проблем.

Поскольку власть принадлежит всем епископам совокупно, а сакраментально они равны, механизмом ее реализации является собор. Никодим (Милаш) в своем толковании на правило, постановившем собирать соборы дважды в год (Ап. 37), замечает: «Только в соборе епископов каждой отдельной областной церкви концентрируется полнота церковной власти данной области, точно так же, как в соборе епископов всех церквей концентрируется вся полнота церковной власти Вселенской Церкви»¹. Соборность в православной философской традиции рассматривается как гармоничное соединение единства веры и индивидуальной свободы. По мнению В. Н. Лосского, она «предстает перед нами как таинственное тождество единства и множественности, — единства, которое выражается в многообразии, и многообразия, которое продолжает оставаться единством» [9, с. 708].

Всеобщее священство, соборность и единоличное управление представлены скорее как идеальные формы реализации властных полномочий. В каноническом праве можно найти обоснования для каждой из таких форм (участия народа в церковной власти, власти Собора, личной власти). Однако всенародное правление способно привести к популизму и тирании толпы, единоличное — к авторитаризму и сервиллизму, коллегиальность — к фракционности

¹ Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского : в 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 105.

и неспособности о чем-либо договориться. В истории развития всех конфессий были периоды, когда церковная власть приобрела искаженные формы. Соответственно, имеются и соответствующие каноны, препятствующие подобным крайностям в реализации власти.

Так, хотя апостольские правила не отрицают участия народа (*δῆμος*) в избрании священнослужителя, решение Лаодикийского Собора запрещает идти на поводу у неорганизованной толпы (*ὄχλος*): «Да не будет позволено сборищу народа избирать должностующих произвестись во священство» (Лаод. 13). Другим вектором преодоления искажений при реализации власти является ориентация на поддержание баланса между личной свободой и церковным единством. Так, 34 апостольское правило гласит, что «епископам всякого народа подобает знать первого в них, и призывать его как главу, и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения». С другой стороны, в том же правиле уточняется: «Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех. Ибо так будет единомыслие» (Ап. 34).

Уровни церковной власти

В разработанном православно-католической комиссией в Равенне в 2007 документе выделяются три уровня церковной власти, которые изоморфны: на каждом из них сочетаются коллегиальность и первенство: «Первенство и соборность зависят друг от друга. Поэтому первенство на разных уровнях жизни Церкви — местном, региональном и вселенском — всегда должно рассматриваться в контексте соборности, а соборность, соответственно, в контексте первенства»². РПЦ не подписала документ и вступила в полемику с его тезисами, но не оспорила предложенное в нем разделение на уровни.

На местном уровне соборность проявляется в солидарности, взаимопомощи не только священнослужителей, но и всех членов общины. Однако непосредственное управление епархией осуществляется епископом: «Епископ да имеет попечение о всех церковных вещах и оными да распоряжается» (Ап. 38); «пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего да не совершают. Ибо

² Экклесиологические и канонические последствия сакраментальной природы Церкви. Документ Смешанной международной комиссии по богословскому диалогу между Римско-Католической Церковью и Православной Церковью. Равенна (2007). URL: <https://churchby.info/bel/626> (дата обращения: 17.01.2023).

ему вверены люди Господни, и он воздаст ответ о душах их» (Ап. 39).

На региональном уровне епископы решают все возникающие вопросы на соборах, синодах, признавая в то же время «первого среди них» (Ап. 34) — митрополита, экзарха, патриарха, обладающего широкими управленческо-административными функциями и более широкими полномочиями, чем те, кто стоит в правительственной иерархии ниже.

Решения на вселенском уровне принимаются на Вселенском Соборе. На этом уровне также существует первенство, которое отражено в таксисе — порядке следования престолов. Поскольку «престолу ветхого Рима отцы прилично дали преимущества» (4 Всел. 28), это первенство создателями документа признается за римской кафедрой. Фактически создатели документа, декларируя необходимость компромисса между Востоком и Западом, соборностью и приматом, приходят к выводу об особом положении папы.

В протестантской традиции священная власть признается за всеми верующими. В общине присутствует вся полнота церковного бытия, «ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20). Что касается административного управления, то в разных деноминациях представлены различные вариации его структурирования. В одних административные полномочия передаются государству, так что главой церкви становится глава последнего, в других они на выборной основе или на основе назначения делегируются служителям (старейшинам, министрам, пасторам и т. д.). В ряде деноминаций существуют региональные объединения общин. Имеются и различные формы ассоциаций церквей на экуменическом уровне, которые, как правило, находятся в состоянии перманентной реорганизации, не составляя какой-либо целостности и не претендуя на реальное управление всей совокупностью протестантских церквей.

Позиция Московского Патриархата по вопросу первенства отличается от католической и протестантской и основана на положении, что «на разных уровнях церковного бытия исторически сложившееся первенство имеет различную природу и различные источники»¹.

На епархиальном уровне епископ обладает первенством реализации священной

власти в силу апостольского преемства. Он в полной мере обладает и административной властью, которая принадлежит ему уже на основании соответствующих положений церковного права.

На поместном уровне собор или синод епископов, реализуя полноту своей власти, избирает предстоятеля как первого среди равных (Ап. 34), который управляет Церковью не единолично, а совместно с другими епископами. Административное первенство предстоятеля основывается на общеканонических положениях и уставных документах. То есть это первенство уже не богоустановлено, а делегировано Церковью.

Что касается вселенского уровня, то основным органом общения Церквей и принятия решений является Вселенский Собор, где все кафедры имеют равные права. Для каждого престола были определены области, где они имели преимущество (1 Всел. 6). Порядок следования патриархатов в диптихе определен первенством чести, которое до Великого раскола принадлежало Римскому престолу, а после — Константинопольскому. При этом первенство чести не имеет отношения к правительственной власти. Примат юрисдикции на этом уровне не установлен ни Богом, ни Церковью. Соответственно, «в Православной Церкви нет и никогда не было единого административного центра на вселенском уровне»².

Следствием отсутствия такого центра является отсутствие консолидированного мнения (как и действующих механизмов выработки такого мнения) по поводу вселенского первенства в православном мире. Эту позицию ставит под сомнение Константинопольский Патриархат, вполне сочувствующий идеям, высказанным в Равенском документе. Митрополит Элпидифор (Ламбриниадис) подвергает критике стремление разделять первенство на «первичное» богословское и экклесиологическое «вторичное», из-за чего Церковь сводится здесь к «сухому административному институту». Не принимается и тезис о различной природе первенства на разных уровнях — власть церкви «всегда ипостазирована в личности». При этом вселенский иерарх (власть которого уподобляется митрополитом единоначалию Отца в Святой Троице) обладает ею изначально и потому ни от кого и не должен получать первенства. Таким предстоятелем объявляется Патриарх Константинопольский, в лице которого уникальным образом совмещаются все три уровня первенства и который «как

¹ Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481089.html> (дата обращения: 17.01.2023).

² Там же.

епископ является первым «среди равных», но как архиепископ Константинопольский является первым иерархом без равных (*primus sine paribus*)» [17].

Поскольку по факту Константинополь не признается административным центром Вселенской Церкви, а Вселенским Патриарх — ее полноправным предстоятелем, в православной традиции административные полномочия реально сконцентрированы по большей части на среднем, т. е. поместном уровне. Соответственно, католицизм традиционно озабочен реализацией власти на верхнем — вселенском уровне, а протестантизм — на местном уровне (хотя для многих деноминаций вообще неуместно говорить о каких-либо четко выраженных уровнях).

Заключение

Анализ представлений о реализации власти в различных конфессиях позволяет заключить, что, во-первых, основным фактором, определяющим их различия, является *характер проведения границы между священной и правительственной властью*. Католицизм включает правительственную власть в священную наряду с учительской и сакраментальной, то есть считает ее богоустановленной. Протестантизм противопоставляет ее священной и тем самым выводит за пределы духовной жизни Церкви как общины верующих. Православие, как правило, не признает ее священной, но и не отделяет от церковной (считая ее, однако, установленной Церковью, а не Богом). Иными словами, необходимость ее признается, но, в силу иного источника, статус у правительственной власти оказывается ниже, чем у священной. Остальные различия вытекают из этих содержательных характеристик.

Во-вторых, *главенство принципа соборности* в православной традиции определяется тем, что священная власть епископов (которая богоустановлена) оценивается выше, чем статус решения предстоятеля (чьи правительственные полномочия получены от Церкви, то есть от тех же епископов). Поскольку епископы сакраментально равны, прийти к единому решению они могут исключительно соборно. Наивысшие полномочия признаются за собором, а не за Вселенским предстоятелем (назначенным Церковью) или всеми верующими (лишь малая часть которых облечена священной властью).

В-третьих, общая модель соотношения конфессиональных подходов к вопросу власти предполагает, что православие (по

крайней мере, в теории) стремится к *сбалансированной позиции*. Так, симфония властей предполагает отказ от примата светской либо духовной власти. Соборная власть епископата позиционируется как середина между единоначалием и народовластием. Административные полномочия в православных патриархатах концентрируются на среднем (поместном) уровне. Наконец, сама трактовка соотношения священной и правительственной власти выглядит как логический компромисс между попытками их совмещения или противопоставления.

Это стремление о взвешенному расуждению о власти вполне соответствует древнехристианской традиции, удерживаемой православием. Исторически она устанавливалась и развивалась в борьбе с крайностями, в которые были склонны впадать новообращенные, как из-за интеллектуального скепсиса, так и из чрезмерного энтузиазма. Поэтому древние каноны были направлены на маркирование подобных крайностей как отклонений от нормы. Кроме того, каноны обговаривались и принимались соборно, а не единолично, а значит в них закреплялись прежде всего те позиции, с которыми могло согласиться разумное большинство, а не радикально настроенные меньшинства. По крайней мере, анализ положений, высказываемых представителями разных христианских конфессий по поводу церковной власти, дает основания заключить, что православная традиция тяготеет к защите позиции, равноудаленной от полярных мнений.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44239.

1. Антоний (Храповицкий), еп. Два пути пастырства — латинский и православный / Антоний (Храповицкий), еп. // Полное собрание сочинений : в 3 т. Т 2. — Казань, 1900. — С. 255—281.

2. Божественная власть, церковная иерархия и духовный авторитет в раннехристианской латинской традиции / под ред. Г. Е. Захарова. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2016.

3. Витория, Ф., де. Первая лекция о церковной власти / Ф. де Витория // Социологическое обозрение. — 2014. — Т. 13. — № 3. — С. 136—192.

4. Ермилов, П. В. Происхождение теории о первенстве Константинопольского патриарха / П. В. Ермилов // Вестник ПСТГУ.

Серия I: Богословие. Философия. — 2014. — Вып. 1 (51). — С. 36—53.

5. Заозерский, Н. А. О церковной власти / Н. А. Заозерский. — Сергиев Посад : Тип. А. И. Снегиревой, 1894.

6. Зом, Р. Церковный строй в первые века христианства / Р. Зом. — СПб. : Издательство О. Абышко, 2005.

7. Кальвин, Ж. Наставление в христианской вере / Ж. Кальвин. — М. : Изд-во РГУ, 1997.

8. Кристиан, Р. Некоторые соображения о церковном авторитете в Римо-Католической Церкви / Р. Кристиан // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. — 2010. — Вып. 1 (29). — С. 79—94.

9. Лосский, В. Н. О третьем свойстве Церкви / В. Н. Лосский / Боговидение. — М. : АСТ, 2006. — С. 698—709.

10. Лютер, М. К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства / Лютер М. Избранные произведения. — СПб. : Андреев и согласие, 1994. — С. 55—119.

11. Лютер, М. О светской власти / Лютер М. Избранные произведения. — СПб. : Андреев и согласие, 1994. — С. 131—163.

12. Меланхтон, Ф. О власти и главенстве папы / Ф. Меланхтон // Книга Согласия. Вероисповедание и учение Лютеранской Церкви. — Макомб : LHF, 2018. — С. 400—422.

13. Суворов, Н. С. Характеристика католицизма и протестантизма в их отношениях к государству / Н. С. Суворов // Юридический вестник. — 1887. — Том XXVI. — Кн. 3. — № 11. — С. 492—504.

14. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 1-46. — Киев : Ника-Центр, 2011.

15. Фуко, М. Безопасность. Территория. Население / М. Фуко. СПб. : Наука, 2011.

16. Шишков, А. В. Структура церковного управления в евхаристической экклезиологии / А. В. Шишков // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. — 2015. — Вып. 1 (57). — С. 25—38.

17. Элпидофор (Ламбринадис), митрополит. Первый без равных. — URL: http://krotov.info/libr_min/12_/am/brianidis.htm (дата обращения: 17.01.2023).

18. Campenhausen, H. von. Ecclesiastical Authority and Spiritual Power in the Church of the First Three Centuries / H. von. Campenhausen. — Peabody : Hendrickson Pub., 1997.

19. Giles de Rome. On ecclesiastical power: A Medieval Theory of World Government / Giles de Rome. — New York : Columbia University Press, 2004.

20. Walter, F. Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen / F. Walter. — Bonn : Adolph Marcus, 1856.

References

1. Antonij (Hrapovickij), bish. (1900) *Dva puti pastyrstva — latinskij i pravoslavnyj* [Two ways of pastoral care — Latin and Orthodox] in Antonij (Hrapovickij), ep. *Collected Works*: in 3 vol. Vol 2. Kazan', pp. 255—281 [in Rus].

2. Zakharov G.E. (ed.) (2016) *Bozhestvennaia vlast', tserkovnaia ierarkhiia i dukhovnyi avtoritet v rannekhristsianskoi latinskoi traditsii* [Divine Authority, Church Hierarchy, and Spiritual Authority in the Early Christian Latin Tradition]. Moscow, PSTGU Press [in Rus].

3. Vitoria F., de. (2014) Pervaia leksiia o tserkovnoi vlasti [The First Lecture on Ecclesiastical Power]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2014, vol. 13, no. 3, pp. 136—192 [in Rus].

4. Ermilov P.V. (2014) Proiskhozhdenie teorii o pervenstve Konstantinopol'skogo patriarkha [The Primacy of the Patriarch of Constantinople: The Origin of Theory]. *Vestnik PSTGU. Seria I: Bogoslovie. Filosofii*, Issue 1 (51), pp. 36—53. DOI: 10.15382/sturl201451.36-53 [in Rus].

5. Zaozerskii N. A. (1894) *O tserkovnoi vlasti* [On Ecclesiastical Power]. Serгиеv Posad, Tip. A. I. Snegirevoi [in Rus].

6. Sohм R. (2005) *Tserkovnyi stroi v pervye veka khristianstva* [Church Order in the First Centuries Of Christianity]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo O. Abyshko [in Rus].

7. Calvin J. (1997) *Nastavlenie v khristianskoi vere* [Institutes of the Christian Religion], in 3 vol. Moscow, Izd-vo RGGU [in Rus].

8. Kristian R. (2010) Nekotorye soobrazheniia o tserkovnom avtoritete v Rimo-Katolicheskoi Tserkvi [Some Thoughts Concerning Authority in the Roman Catholic Church] *Vestnik PSTGU. Seria I: Bogoslovie. Filosofii*, vyp. 1 (29), pp. 79—94 [in Rus]

9. Losskii V.N. (2006) O tret'em svoistve Tserkvi [On the third property of the Church], in *Bogovidenie* [Divine Vision]. Moscow, AST, pp. 698—709 [in Rus].

10. Luther M. (1994a) K khristianskomu dvorianstvu nemetskoj natsii ob ispravlenii khristianstva [Towards the Christian nobility of the German nation about the correction of Christianity] in Luther M. *Izbrannye proizvedeniia* [Collected Works]. Saint Petersburg, Andreev i soglasie, pp. 55—119 [in Rus].

11. Luther M. (1994b) O svetskoi vlasti [On secular power] in Luther M. *Izbrannye proizvedeniia* [Collected Works]. Saint Petersburg, Andreev i soglasie, pp. 131—163 [in Rus].

12. Melanchton Ph. (2018) O vlasti i glavenstve papy [On the power and supremacy of the pope] in *Kniga Soglasii* [Book of Concord]. Makomb, LHF, pp. 400—422 [in Rus].

13. Suvorov N. S. (1887) Kharakteristika katolitsizma i protestantizma v ikh otnosheniiakh k gosudarstvu [Characteristics of Catholicism and Protestantism in their relationship to the state] *Iuridicheskii vestnik*, vol XXVI, book 3, no. 11, pp. 492—504 [in Rus].

14. Thomas Aquinas (2011). *Summa teologii* [Summa Theologiae], part II-II, questions 1-46. Kiev, Nika-Tsentr [in Rus].

15. Fuko M. (2011) *Bezopasnost'. Territoriya. Naselenie* [Safety. Territory. Population]. Saint Petersburg, Nauka [in Rus].

16. Shishkov A. V. (2015) Struktura tserkovnogo upravleniia v evkharisticheskoi ekkleziologii [The structure of church authority in Eucharistic ecclesiology], *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofii*, Issue 1 (57), pp. 25—38. DOI: 10.15382/sturi201557.25-38 [in Rus].

17. Elpidophoros (Lambriniadis), metropolitan. (2014) *Pervyi bez ravnykh* [Primus sine paribus], available at: http://krotov.info/libr_min/12_1/am/brianidis.htm (17.01.2023) [in Rus].

18. Campenhausen H., von. (1997) *Ecclesiastical Authority and Spiritual Power in the Church of the First Three Centuries*. Peabody, Hendrickson Pub. [in Eng].

19. Giles de Rome. (2004) *On ecclesiastical power: A Medieval Theory of World Government*. NY, Columbia University Press [in Eng].

20. Walter F. (1856) *Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen*. Bonn, Adolph Marcus [in Germ.].

Статья поступила в редакцию 19.01.2023

For citing: Sychev, A. A. Confessional models of church authority (philosophical and canonical analysis) / A. A. Sychev // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 1 (95). — P. 61—73. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-61-73. — EDN BTKRKN.

UDC 348.031

EDN BTKRKN

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-61-73

CONFESSIONAL MODELS OF CHURCH AUTHORITY (PHILOSOPHICAL AND CANONICAL ANALYSIS)

Andrey A. Sychev,

National Research Mordovia State University,
Professor of the Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.
Saransk, Russia.
ORCID: 0000-0003-3757-4457
E-mail: sychevaa@mail.ru

Abstract

Introduction. Judgments on church authority have been transformed depending on the changing position of the Church in society and its relationship with the state. In the process of rethinking, there have developed special traditions of its understanding, which reflected the specifics of the existence of Christian communities in different cultural and legal conditions.

The purpose of the study is to outline the traditions of understanding church authority in three Christian denominations and offer grounds for

their comparison in the philosophical and canonical aspect.

Methods. A comparative method is used on the basis of analyzing philosophical literature and canon-legal sources.

Scientific novelty of the research. The article for the first time systematizes confessional differences in interpreting the form, content and levels of church authority.

Results. It is shown that the decisive factor determining the differences between confessional traditions in the understanding of church authority is the nature of the boundary between the sacred and government authorities. Catholicism, considering the governmental power established by God, includes it in the sacred, along with the teaching and sacramental. Protestantism, on the contrary, radically opposes it to the sacred, recognizing it as the prerogative of the state. Orthodoxy, as a rule, does not recognize government power as sacred, but it does not separate it from the church.

Conclusions. An analysis of the positions expressed by representatives of various Christian denominations regarding church authority makes it possible for us to conclude that the Orthodox tradition tends to defend a position equidistant from polar opinions.

Keywords:
church authority,
Christianity,
religious traditions,
canon law,
philosophy of religion